

Л.В. СОФРОНОВА

«СОБОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ» ДЖ. КОЛЕТА

РЕФОРМА, РЕФОРМАЦИЯ,
ХРИСТИАНСКИЙ РЕНЕССАНС

*«...История показывает, что все то,
что уже было некогда осмыслено, еще будет
подвергаться дальнейшему осмыслению...»
(М. Фуко. Слова и вещи)*

Эти слова как нельзя лучше рисуют ситуацию, сложившуюся в современной историографии английской Реформации. Многие аргументы и факты, казавшиеся непреложно истинными, историки нового поколения объявили фикциями, измышленными их предшественниками. В последние десятилетия к числу таких вымыслов был отнесен народный антиклерикализм, ранее считавшийся важнейшей предпосылкой тюдоровской Реформации, но, как показали недавние исследования ревизионистского и постревизионистского толка, недостаточно подтвержденный источниками¹. Отказ от классической концепции антиклерикализма побуждает вновь обратиться к сопредельным проблемам, подвергая сомнению уже найденные исторической наукой решения. Деятельность христианских гуманистов круга Колета–Эразма, традиционно рассматривавшаяся в качестве идейной предпосылки Реформации² — одна из таких проблем. Возможность проверить адекватность такой оценки только одна, она не нова

¹ *Scarisbrick J.J.* The Reformation and the English people. Oxford, 1984. Chap. 1-3; *Haigh C.* Anticlericalism and the English Reformation // *History*. LXVIII. 1983. P. 391-407; *The English Reformation Revised* / Ed. C. Haigh. Cambridge, 1987; *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400–c. 1580. New Haven, 1992. Нам пока осталась недоступной новая книга К. Хэйга, основанная на архивах церковных судов: *Haigh C.* The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England, 1570-1640. Oxford, 2007.

² *Dickens A.G.* The English Reformation. Oxford, 1964; *McConica J.K.* English Humanists and Reformation politics under Henry VIII and Edward VI. Oxford, 1965; *Elton G.R.* Reform and Reformation: England. 1509–1558. Cambridge, 1977; *Brigden S.* London and the Reformation. Oxford, 1989.

и связана с возвратом к первоисточникам — тем произведениям гуманистов, в которых антиклерикальные мотивы наиболее отчетливы.

Обращение с этой целью к «Соборной проповеди» Джона Колета (1466–1519) более чем оправданно. Ее автор — видный гуманист-теолог, известный проповедник и педагог долгое время считался «человеком одной книги», и этой книгой была именно *Oratio habita ad clerum in convocacione* — единственное опубликованное при его жизни сочинение, создавшее ему славу оппозиционера и реформатора. Проповедь была произнесена 6 февраля 1512 г.³ в соборе св. Павла, кафедральном храме Лондона, перед лицом 440 видных церковных деятелей Англии, съехавшихся в столицу на синод. В повестке дня конвокации стоял вопрос о программе борьбы с ересью лоллардов, возродившейся в первое десятилетие XVI в. По поручению архиепископа Уорэма настоятель собора Св. Павла Колет должен был открыть синод, прочитав вступительную проповедь соответствующего содержания. Гуманист же оставил без внимания проблему лоллардов, назвав порочную жизнь духовенства самым главным и наиболее опасным видом ереси. К борьбе с ней, к реформе католической церкви он призвал слушателей. Латинский оригинал «Соборной проповеди» вскоре попал в печать. Одновременно появился и английский, вероятно авторский, перевод⁴. По инициативе

³ Мы придерживаемся традиционной датировки выступления Колета, хотя заслуживают внимания аргументы некоторых исследователей в пользу более ранней даты — январь 1510 г. (см.: *Kelly M. J. Canterbury Jurisdiction and Influence during the Episcopate of William Warham, 1503–1532. Cambridge, 1963. P. 112; Gleason J.B. John Colet. Berkeley, 1989. P. 181, 370*) или 1511 г. (см. рецензию *Т.М. Паркер (T.M. Parker)* на издание источника в *English Historical Documents: Moreana. 18. March, 1968. P. 89-90*).

⁴ Оба издания 1512 г. не дошли до наших дней. Примечательно, что следующие издания на обоих языках, осуществленные учеником Колета Т. Лапсетом, вышли в свет в Лондоне в 1530 г. — в самый разгар подготовки тюдоровской Реформации. Интерес к *Oratio* не угасал и в XVII–XVIII вв., о чем свидетельствует новый перевод, выполненный в 1661 г. Т. Смитом, а также трехкратное его переиздание в 1701, 1708, 1724 гг. Латинская версия Лапсета была перепечатана С. Найтом в 1823 г. (*Knight S. The Life of Dr. John Colet, Dean of St. Paul's in the Reigns of Henry VII and Henry VIII, and Founder of St. Paul's School. L., 1724. P. 273-285. Во втором (Oxford, 1823) издании этой монографии текст источника см.: P. 239-250. Мы пользовались первым изданием; далее сноски на латинский вариант см. в тексте — ОСС); английская — Дж. Лаптоном в*

лондонского епископа проповедник на трехмесячный срок был отстранен от кафедры и обвинен в защите ереси⁵. Однако покровительство архиепископа Уорхема и расположение короля помогли Колету избежать инквизиционного суда⁶.

«Соборная проповедь» получила в историографии различные оценки⁷. Представители католического направления британской историографии акцентировали внимание на том, что проповедник не хотел разрыва с Римом, полагая возможным оздоровление церкви в рамках папства. Им «очевидно, что Колет был истинным католиком,

1887 г. (*Lupton J.H. A Life of John Colet, Dean of St. Paul's and Founder of St. Paul's School. L., 1909. App. C. P. 293-304*). К нему восходит последнее английское издание источника в 1967 г. (*English Historical Documents. V. 5. (1485–1558). Ed. by C.H. Williams. L., 1967. P. 652-660*). Далее сноски по тексту — CS). Русский перевод со вступительной статьей и комментарием см.: *Софронова Л.В. «Соборная проповедь» Д. Колета: Реформация или реставрация? // Textum Historiae: исследования по теоретическим и конкретно-историческим проблемам всеобщей истории. Н.Новгород, 2005. С. 107-120*. Далее по тексту — СП.

⁵ Опасность, угрожавшая гуманисту, была весьма реальной. Один из будущих лидеров англиканской Реформации Хью Латимер спустя годы вспоминал, что «доктор Колет был в беде, и его бы сожгли, если б Бог не направил сердце короля к милосердию» (Цит. по: *Lupton J.H. A Life of John Colet. P. 204*). Осознавая угрозу, Эразм советовал своему другу удалиться от дел: «Такое поражение было бы предпочтительней, чем победа любой ценой, ... ибо величайшее из благ — спокойствие духа» (*Erasmus Desiderius. Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami rec. per P.S. et Y.M. Allen. T. I. Oxford, 1906. Ep. 270. P. 527*). Далее — OE. Римская цифра означает номер тома, арабская — страницы).

⁶ Обращение Уорэма к Генриху VIII см.: *Seebohm F. Oxford Reformers. Colet, Erasmus and More. 3rd ed. L., 1914. P. 224*. Однако впоследствии Эразм обвинил Уорэма в пособничестве врагам Колета (OE. II. 246). Подробнее см.: *Allen P.S. Dean Colet and Archbishop Warham // English Historical Review. April, 1902. P. 306*.

⁷ Степень изученности источника в отечественной историографии ограничивается, по сути, постановкой проблемы. Самые пространные (18 и 26 строк) упоминания источника см.: *Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978. С. 66-67; Он же. Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма. М., 2006. С. 27*. Отечественный историк очень корректно подходит к оценке специфики религиозных воззрений «христианских гуманистов» круга Эразма, говоря о «гуманистической трактовке учения Христа», о «социальном подходе» к Евангелию, избегая термина *антиклерикализм*.

а не предтечей протестантизма»⁸. Его выступление на синоде «не оставляет ни малейшего сомнения в ортодоксальности (в католическом понимании. — Л.С.) ее автора»⁹.

Действительно, предложенные Колетом преобразования не ликвидировали бы вселенскую организацию католиков, но нельзя игнорировать очевидный факт, что официальные инстанции католицизма не поддержали предлагаемой реформы. Эклисиологические взгляды Колета были отвергнуты католическими иерархами. Были ли они протестантскими? Подавляющее большинство британских исследователей XVII–XX вв., видимо, в силу своей конфессиональной принадлежности к англиканской церкви или выросшие в протестантских семьях, видели в авторе «Соборной проповеди» протестанта, в противоположность католику Томасу Мору¹⁰, «благого предвестника и пропагандиста Реформации», который «первым призвал свой народ сбросить иго папства»¹¹. «Соборная проповедь» расценивается ими как «увертюра к великой драме английской Реформации»¹². Основными аргументами здесь служили содержащиеся в проповеди резкая критика церкви и проект церковной реформы. Причем, сторонников «протестантизации» Колета не смущало явное несоответствие их доводов тексту самого источника. Однако предвзятость обеих трактовок долгое время не вызывала должной реак-

⁸ *Campbell W.E.* John Colet, dean of St. Paul's // *Dublin Review*. 218. 1946. P. 106-197.

⁹ *Marriott J.A.* The life of John Colet. L., 1933. P. 165.

¹⁰ *Miles L.W.* Protestant Colet and Catholic More // *Anglican Theological Review*. № 33. 1951. P. 30-42; *Smith H.M.* Reformation England. L., 1938. Chap. 2. Colet — puritan. P. 520 etc.

¹¹ *Knight S.* The Life of Dr. John Colet. P. VII.

¹² *Lupton J.H.* A Life of John Colet. P. 178. Тезис о том, что королевская Реформация Тюдоров представляла собой практическую реализацию антиклерикальных идей «христианского гуманизма» Колета и Эразма, нашел многочисленных сторонников, например, см.: *Lupton J.H.* The influence of Dean Colet upon the Reformation of the English Church. L., 1893; *Clebsch W.A.* John Colet and Reformation // *Anglican Theological Review*. XXXIV. 1955. P. 167-177; *McConica J.K.* English Humanists and the Reformation politics under Henry VIII and Edward VI. Oxford, 1965. P. 13-44, 100-150, 238-282. О сходстве антиклерикальных взглядов реформаторов и Колета см.: *Clebsch W.A.* English Earliest Protestants. 1520–1535. L., 1964. P. 44-69, 94, 191; *Law and Government under the Tudors*. L., 1974. P. 37; *Guy J.* Tudor England. Oxford, 1988. P. 16-19, 109-118.

ции, а критика в конечном итоге свелась к скрупулезному выявлению католических и протестантских компонентов в мировоззрении Колета и констатации его двойственности¹³.

Неудивительно, что ревизионистский вызов традиционной истории, определивший развитие историографии раннего Нового времени с конца 70-х годов XX века, коснулся и данной темы. Американский историк Дж. Глизон¹⁴ отверг существующие интерпретации, назвав их «случаем ошибочной идентификации» и возложив ответственность за нее на идеологов протестантизма (У. Тиндел, Х. Латимер, Дж. Фокс) и на историков викторианской эпохи (Ф. Сибом, Дж. Грин, Дж. Лаптон). Первые в условиях подготовки Реформации намеренно «приписали» Колета к своей партии. Вторые — в ситуации полемики с учеными «оксфордского движения» сознательно возвели Реформацию к духовным исканиям Колета, к тому же наделив его чертами либерального теолога своего времени¹⁵. Эти давно ожидавшиеся выводы не вызывают возражений. Однако трудно согласиться с утверждением Глизона о том что *Oratio ad clerum* — заурядная позднесредневековая проповедь, одна из многих подобных, и потому не вызвавшая реакции у церковных иерархов. Эта довольно уничижительная оценка «Соборной проповеди» обусловлена не столько содержанием проповеди, которое анализируется Глизоном поверхностно, сколько общей позицией историка-ревизиониста, направленной на ниспровержение всего того, что было прежде сказано о Колете. Его аргументы, на наш взгляд, довольно спорны¹⁶ и побуждают к новому исследованию источника.

¹³ Еще Дж. Лаптон обратил внимание на противоречивость его взглядов (*Lupton J.H. A Life of John Colet. P. 265-266*). Также см.: *Hunt E. Dean Colet and His Theology. L., 1956. P. 18-72*; *Jayne S. John Colet and Marsilio Ficino. Oxford, 1963. P. 3-4*; *Miles L. John Colet and the Platonic Tradition. La Salle, 1961. P. 171-216*, особенно P. 212.

¹⁴ Применение к исследованию Дж. Глизона определения «ревизионистское» допустимо в том только смысле, что любой историк подвергающий ревизии взгляды своих предшественников, является ревизионистом.

¹⁵ *Gleason J.B. John Colet. Berkeley, 1989. P. 3-15*. Об «Оксфордском движении» см.: *May J.L. The Oxford Movement. L., 1933*.

¹⁶ Глизон указывает на то, что опубликовал проповедь Ричард Пинсон — печатник, имевший королевский патент и в силу этого, якобы, избегавший публикации спорных или дискуссионных книг. Кроме того, со ссылкой на Джона

«Соборная проповедь» представляет собой небольшой по объему текст, с четко продуманной структурой. В краткой преамбуле после совместной молитвы проповедник объясняет насущную потребность в исправлении церковного состояния. Основной раздел проповеди делится на две части в соответствии с фразой апостола Павла (Рим. 12:2): «*Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего*». Первая часть посвящена анализу кризисного состояния церкви, подчинившейся «веку сему», т.е. миру, вторая — способов исправления этого положения церкви. В заключении он призывает своих слушателей — церковную элиту — к нравственному совершенствованию, дабы послужить примером для исправления остального клира и мирян. Текст изобилует ссылками и аллюзиями на Священное Писание¹⁷, причем, две трети общего чис-

Бэйла (Index Britanniae Scriptorum: *John Bale's Index of British and Other Writers* / Ed. by R.L. Poole & M. Bateson. Oxford, 1902. P. 195) Глизон утверждает, что после «Соборной проповеди», прочитанной в 1510 г., Колет выступал на следующей конвокации в 1512 г. По мнению Глизона, это второе выступление не могло состояться, если бы «Соборная проповедь» два года назад была столь революционной. По поводу первого аргумента заметим, что для современников Джон Колет был очень влиятельной фигурой, его проповеди в соборе св. Павла посещали многие знатные люди, представители двора. Он пользовался расположением короля, регулярно выступал при дворе. Генрих VIII публично называл декана своим доктором, т.е. духовным наставником (ОЕ. IV. P. 525-526). Даже если наличие патента действительно ограничивало Р. Пинсона в отборе продукции для издания, Колет был вполне уважаемым и благонадежным автором. Второй довод тоже спорен, поскольку базируется на новой — также дискуссионной — датировке выступления Колета в конвокации. Но даже если «Соборная проповедь» прозвучала в 1510 г., через два года — в 1512 г. Колет вполне мог выступать еще раз, поскольку среди английского епископата было много сторонников реформы, и призыв Колета мог найти у них горячую поддержку. Что касается революционного характера проповеди, то Глизон прав: использование слова «революционный» здесь неуместно, но не потому, что проповедь была заурядной, а оттого, что она, как мы попытаемся показать, не предполагала резких скачкообразных переворотов в церковном состоянии.

¹⁷ Из них 6 ссылок на Ветхий Завет (Первая книга Царств; Книга пророка Исаии, Иеремии, Осии, Екклесиаста; Псалтирь), 23 — на Новый Завет (Евангелия от Матфея, Луки, Марка, Деяния святых апостолов, Послания апостола Павла (К Римлянам; К Евреям; Первое к Коринфянам; К Титу; Второе к Тимофею); Первое Послание Иоанна; Послание Иуды), 3 — на более поздние источники (Постановление Халкидонского Собора, Декреталии, Бернарда Клервосского).

ла прямых цитат — 22 из 32 — приходится на первую часть проповеди, т.е. чаще всего ссылки на библейские авторитеты используются Колетом для аргументирования его критической позиции.

Данное обстоятельство дало повод современному историку говорить об отсутствии индивидуального мнения у проповедника, его осторожности и стремлении обезопасить себя ссылками на церковные авторитеты¹⁸. На наш взгляд, эти претензии продиктованы современным секуляризованным сознанием и исторически некорректны. Подбор цитат обнаруживает в Колете приверженца ренессансного «библейского гуманизма» с его апелляцией исключительно к Священному Писанию и особой любовью к апостольским Посланиям (которые цитируются 18 раз). Нельзя исключить вполне оправданное желание автора сделать свою аргументацию максимально понятной и убедительной для его клерикальной аудитории. Индивидуальность проповедника проявилась в том, какие объекты он выбрал для критики (например, говорил об одних проявлениях алчности клира, но промолчал об индульгенциях и т.д.) и какой способ реформы церкви избрал. К тому же, согласиться с этим мнением не позволяет все то, что мы знаем о чертах характера Колета. Осторожность, дипломатичность — не в их числе¹⁹. Само выступление Колета на конвокации с этим текстом было проявлением личного мужества. Он дерзнул обличить присутствующую в зале церковную элиту в самых отвратительных пороках, приравняв их к опаснейшим еретикам, критиковать Соборы за безрезультатность их деятельности²⁰.

Язык проповеди, особенно в первой части, демонстрирует блестящее владение автором различными приемами ораторского искусства и максимальную эмоциональную насыщенность. Можно отме-

¹⁸ Gleason J.B. John Colet. P. 183.

¹⁹ Ср. его поведение во время паломничества к гробнице св. Томаса Бекета в Кентербери, где он выведен под именем Грациан Пулл: Эразм Роттердамский. Благочестивое паломничество // Эразм Роттердамский. Разговоры запросто / Пер. с лат. С.П. Маркиша. / М., 1969. С. 356-360. Показательно также мужество Колета, дерзнувшего выступить с антивоенной проповедью при дворе в присутствии короля, рвущегося к военным подвигам, буквально накануне отправки английского корпуса на континент в марте 1513 г. (OE. IV. 525-526).

²⁰ «Вы часто собираетесь вместе, но, позвольте мне сказать правду, я еще не видел от ваших ассамблей какого-либо результата именно для церкви». (OCC. 283; CS. P. 660; СП. С. 121).

тить обилие восклицательных предложений («Как велики нынче жадность и жажда славы и почестей в служителях церкви!» «О жадность — мать всякого беззакония!»), риторических вопросов («Кто не видит этого? Кто, видя это, не скорбит?» «Нужно ли мне перечислять остальное?»), стилистических фигур (например, параномазии: «Не сообразуйтесь, но преобразуйтесь»), употребление императивных форм («Вы, отцы, вы священство и весь клир! Откройте, наконец, глаза, пробудитесь от сна в этом беспамятном мире; восстав, наконец, услышите св. Павла, вопиющего к вам...») и обыденных слов с усилительным значением («вдалбливаю в ваши уши»). Лексика пестрит экспрессивно-оценочными эпитетами. Опытный оратор, Колет постоянно обращается к аудитории, задает себе вопросы от имени слушателей. Благодаря этим риторическим достоинствам критический раздел выглядит особенно ярко, именно он всегда привлекал внимание исследователей и чаще всего цитировался. Такое акцентирование негативной части проповеди и приводило к ошибочной интерпретации источника. Критика немного может сказать об исходной позиции и цели автора. Полагаем, что более важны две другие затронутые в проповеди проблемы: положение духовенства в обществе и программа реформы духовного сословия. Именно они определяют специфику еклезиологических взглядов Колета.

Отправным тезисом Колета является признание высокого статуса духовенства: оно «выше достоинства короля или императора; оно равно достоинству ангелов» (ОСС. 277; CS. 655; СП. 115). Привилегированное положение духовенства в обществе как посредника между Богом и людьми представляется Колету естественным: «Мы посредники и путь к Богу для людей». Священники и епископы законно, ибо «они — свет мира», обладают своими привилегиями. Об обоснованности прерогатив клира Колет говорит как в начале, так и в конце проповеди: «Вы хотите, чтобы миряне повиновались вам. Это справедливо... Вы хотите от народа почитания. Это оправданно... Вы хотите собирать [урожай] с мирских дел, прежде всего — десятины и пожертвования — без какого-либо сопротивления. Это справедливо... Вы хотите иметь церковную свободу и не привлекаться в светские суды. И это также правильно... Вам хотелось бы быть свободными от трудов, [пребывать] в покое и мире. И это хорошо» (ОСС. 282; CS. 659; СП. 120).

Принципиальными, с учетом нашей задачи, являются слова о необходимости сохранения границы, отделяющей духовенство от мирян. Ее обязаны соблюдать обе стороны. Колет указывает на пример апостолов, которые «многое предпринимали, дабы предотвратить всяческое мирское вмешательство». Как священники не должны жить, «смешавшись, спутавшись с мирянами» (*commisti confusique cum laicis*) (ОСС. 277; СС. 655; СП. 115), так и светская власть не должна вмешиваться в церковные дела. Нарушение этой границы между церковью и миром, т.е. *обмирщение* духовенства, является, по мысли Колета, главной причиной того кризиса, в котором оказалась современная ему церковь²¹. Здесь уместно привести метафоричную характеристику состояния церкви из другого экклесиологического сочинения Колета: «...Увы! Дым и страшная мгла уже давно изверглись из долины помраченных людей, и столь густые, что почти закрыли свет града, и ныне церковные люди, окутанные мраком, не знают, куда идут, они смешались (*commiscuerunt*) со всеми и все расстроили (*confuderunt*), так что теперь опять в мире нет ничего более беспорядочного (*confusius*), чем толпа (*turba*) людей. Печать Христа, которую он запечатлел на этом мире, беспорядками (*turbulentia collisione*) людей во многих делах стерта и почти разрушена»²². В этом отрывке обращает на себя внимание не только Августинов образ церкви как града горнего, но обилие лексики, связанной с беспорядком, смешением, расстройством²³. Симптоматично также понимание

²¹ «Из этого обмирщения, ...проистекает множество грехов: бесчестится звание духовенства, ...сияние этого великого звания сильно затеняется, ...духовенство презираемо, ибо не существует различия между такими священниками и мирянами [sic! — Л.С.], в церкви нарушаются мудро установленный порядок (*Ordo Hierarchicus*) и духовные звания, если высшие иерархи церкви вмешиваются в низшие, земные дела, и, вместо них, низшие и недостойные персоны [т.е. миряне. — Л.С.] занимаются важным и божественным. Миряне имеют больше соблазнов ко всяческому греху, поводов к падению. Когда те, чей долг — отрывать людей от привязанности к этому миру, своим постоянным общением с миром учат людей любить этот мир, то из-за любви к миру они безудержно низвергают людей в ад. Кроме того, в таких занятых суетой священниках неизбежно проявляется лицемерие» (ОСС. 277; СС. 655; СП. 115).

²² *Coletus I. De Ecclesiastica Hierarchia // Colet J. Two Treatises on the Hierarchies of Dionysius / Ed. by J.H. Lupton. L., 1869. P. 248.*

²³ Особенно значимо применение к человеческому обществу слова *turba*, означающего не просто толпу (*vulgus*), а скорее «кучу», «стаю», «скопище», «смешение», «беспорядок».

гибельного состояния общества (*tenebrosorum hominum*) как результата «помрачения» ума. К этим, на наш взгляд, знаковым особенностям словоупотребления Колета следует вернуться позже. Итак, по мнению Колета, духовное сословие находится в кризисном состоянии. Причина кризиса состоит в пагубном влиянии мира, «долины помраченных людей», т.е. в обмирщении духовенства²⁴.

Для его характеристики Колет применяет к современной церкви предостережение апостола Павла римлянам — *nolite conformare huic seculo* («не сообразуйтесь с веком сим»). Это означает «не подчиняйтесь миру», поскольку, по мнению проповедника, словом «век» апостол назвал мирской образ жизни. Подчинение миру (*conformatio*) проявляется, главным образом, в четырех пороках клира: гордыне, сладострастии, жадности к земным благам, светскости²⁵. Говоря о первом из них, Колет осуждает стремление священников к должностям, почестям, славе, власти, забывших, что сам Христос был образцом кротости и смирения: «Как велики ныне жадность и жажда славы и почестей в служителях церкви! Как бегут они, почти задыхаясь, с одного бенефиция на другой, с меньшего на больший, с низшего на высший! Кто не видит этого? Кто, видя это, не скорбит? ...Их нельзя причислить к смиренным служителям Христовым, скорее, можно отнести к высшей знати и власть предержащим, не знающим и не извещающим [пастве], что Христос ...ясно учит, что власть в церкви есть не что иное, как право отправлять богослужение, а высшее достоинство служителя церкви — не что иное, как смиренная служба» (ОСС. 275-276; CS. 653; СП. 113).

Не менее красноречивым и пылким является осуждение Колетом греха сладострастия, захлестнувшего большую часть священников. И «они предаются праздности и чревоугодию, ...увлекаются играми и зрелищами, ...пристрастились к травле и соколиной охоте, ...купаются в наслаждениях этого мира. Сводникам и искателям удовольствий — покровительствуют» (ОСС. 276; CS. 653; СП. 113). Слостолбие, чреватое смертным грехом, опасно для любого человека, но особенно пагубна эта склонность в священнике — исполни-

²⁴ Ср.: «Ничто не уродует лицо церкви так, как светскость и мирской образ жизни клириков и священников» (ОСС. 274; CS. 653; СП.112).

²⁵ В соответствии со словами ап. Иоанна (1 Ин. 2:16): «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская».

теле церковных таинств²⁶. Вопрос о действенности таинств, отправляемых порочным священником, являлся актуальнейшим для религиозного сознания предреформационной эпохи²⁷. Сам Колет, по свидетельству Эразма, не сомневался в эффективности таинств и обрядов, даже если они совершаются клириком, далеким от праведности, но «был возмущен теми, кто [своей] во всех отношениях неприкрыто греховной жизнью давал повод для сомнений подобного рода»²⁸.

Резкую критику Колета вызывал такой грех клира, как жадность, которую он, следуя апостолам (1 Ин. 2:16; 1 Кор. 10:7), считал матерью всех пороков и корнем всякого зла. Колет анализирует различные проявления алчности представителей клира — плурализм²⁹, абсентеизм, злоупотребления при сборах десятин, пожертвований и посмертных даров, обременительные для приходов визитации епископов, продажность церковных судов, их стремление расширить свою юрисдикцию, инсинуации с завещаниями и барышничество (ОСС. 277-278; CS. 654; СП. 113-114).

Четвертый грех, обличаемый Колетом, заключается в светском образе жизни духовенства. Священники и епископы большую часть своего времени отдают мирским занятиям, забыв, что «клирик не должен быть торговцем, что он не ростовщик, не охотник, не картежник, что он не должен носить оружия ...кутить в тавернах, завести знакомства с женщинами» (ОСС. 278, 283; CS. 654, 657;

²⁶ Ср.: «Каждый священник посредством этого таинства омовения должен стать настолько чистым, настолько безукоризненным, настолько просветленным, чтобы он мог коснуться святых таинств, особенно таинства Тела Господня... О, проклятое бесчестие этих жалких священников (sacerdotiorum), великим множеством которых отмечен наш век! Они не страшатся прийти в храм, к алтарю Христа, к божественной литургии — кто из харчевен и лупанариев, кто от блудниц или — о, гнусный грех! — от зловонного лона любовника!» (Coletus I. De Ecclesiastica Hierarchia. P. 225).

²⁷ Вопрос этот дискутировался и в предшествующие столетия, многие еретические течения: ломбардские вальденсы, катары, арнольдисты, швабские еретики, английские лолларды отвергали недостойный клир. См.: Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб., 1997. С. 294-304.

²⁸ ОЕ. IV. P. 521-522.

²⁹ Сам Колет был держателем нескольких церковных бенефициев (см. список держаний и доходов Колета: Knight S. The Life of Dr. John Colet. P. 278-282), но, если верить Эразму, «весь доход от его должностей он возвращал, передав его распределение на местные нужды своему эконому» (ОЕ. IV. P. 517).

СП. 114, 118). В результате духовенство заслуженно презираемо, ибо не существует различия между такими священниками и мирянами.

Эти критические высказывания обусловили распространение в историографии нескольких стереотипных интерпретаций источника. Первая, как уже упоминалось, состоит в том, что «Соборная проповедь» предвосхищает протестантскую критику католицизма. На наш взгляд, это не так. Критические высказывания в адрес церкви не стоит преувеличивать и считать чем-то исключительным. И у Колета, и идеологов англиканства они выражали характерную для той эпохи озабоченность проблемами церковной жизни, которая, как показали новые исследования, на рубеже XV–XVI столетий стала императивом общественного сознания³⁰. Однако «Соборная проповедь» Колета не дает оснований для причисления ее автора к протестантской традиции, поскольку критика церкви в ней не касается традиционных для протестантских антиклерикальных сочинений вопросов о власти папы, о подчинении духовенства Риму, мессе, индульгенциях, чистилище, внешней обрядности, отсутствуют упоминания о догматах и таинствах. Нет и требований отмены духовных привилегий и секуляризации церковной собственности. Признание авторитета Священного Писания не исключает апелляцию к соборным и папским решениям. Резоннее, на наш взгляд, говорить о близости «Соборной проповеди» идеям католической реформы (региональные исследования последних лет показали, что это движение имело место в английской церкви в 1480–1530 гг.). Ее проводники — представители епископата — успешно боролись как с ересью, так и с пороками духовного сословия и церковной администрации³¹. Использо-

³⁰ Лемэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 45; в свое время Л.П. Карсавин показал актуальность проблемы праведности клира еще в эпоху классического Средневековья: Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб., 1997. С. 288–312.

³¹ См.: Bowker M. The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495–1520. Cambridge, 1968; Eadem. The Henrician Reformation and the Parish Clergy // The English Reformation revised / Ed. by C. Haigh. Cambridge, 1990. P. 85 etc; Houlbrooke R.A. Church Courts and the People during the English Reformation. Oxford, 1979. P. 10–11, 50–51, 95–96, 114–115, 271–272; O'Day R. The Debate on the English Reformation. L., 1986. P. 139–140. К сожалению, мы не можем судить о результатах изысканий в диссертации С. Томпсона (Thompson S. The Pastoral Work

зуя возможности духовных курий, они карали нарушителей клирической дисциплины, в рамках визитаций контролировали приходскую жизнь. При всей резкости критики, католическая реформа была нацелена на нравственное оздоровление клира, повышение его авторитета. Но реформационные мероприятия Тюдоров против церковной юрисдикции пресекли реализацию этой программы.

Еще более интересным является второе клише в отношении «Соборной проповеди», заключающееся в том, что с XVII в. она считается документом, «наиболее точно описывающим положение дел в английской церкви накануне Реформации»³². Следуя ему, Е.В. Хант, например, говорит о безупречной логике и бесспорной аргументации Колета, *a posteriori*, с фактами доказывающего порчу церкви и необходимость ее реформы³³. Однако в проповеди нет ни одного конкретного факта, а «называние» греха нельзя считать доказательством его реального присутствия в жизни церкви. Поэтому мы не можем уверенно утверждать, что источник отражает реальную — причем, именно кризисную — ситуацию в церкви. Более того, сегодня считается доказанным, что предреформационное духовенство не было более аморальным, чем предшествующие поколения. На рубеже XV–XVI вв. умножились не злоупотребления и пороки клира, а число жалоб на них со стороны прихожан, отразив более нетерпимое отношение к ним мирян и части духовенства³⁴. *Ipso facto* источник дает основания говорить только об отношении к церковным проблемам самого Колета. И это отношение было чрезвычайно критичным. Может быть, потому, что именно столичное духовенство действи-

of the English and Welsh Bishops, 1500–1558. University of Oxford D. Phil. thesis, 1984), которая осталась нам недоступной. Если судить по тому резонансу, который она получила (Haigh C. Introduction // *The English Reformation revised*. P. 3), ее результаты подтверждают тезис о том, что Реформация блокировала реформу.

³² Burnet G. *The History of the Reformation of the Church of England*. Part I. L., 1679. P. 305. Исследователи иллюстрируют слова Колета мнениями других авторов, в лучшем случае, сведениями из других источников. Типичный образец такого подхода см.: Hunt E.W. *Dean Colet and his Theology*. P. 18–72.

³³ Hunt E.W. *Dean Colet and his Theology*. P. 73–75, 85.

³⁴ Сказанное относится к религиозным настроениям образованных слоев общества, как правило, из городской среды. См.: O'Day R. *The debate on the English Reformation*. L., 1986; Brigden S. *London and the Reformation*. Oxford, 1989; Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. Oxford, 1994.

тельно давало немало поводов для недовольства. Но Эразм в биографии Колета утверждал, что тот «почерпнул это мнение из [трудов] Дионисия и других древних теологов, которых он почитал»³⁵. Таким образом, столь критическое отношение Колета к современному духовенству было результатом обращения к раннехристианским текстам, особенно апостольским посланиям (в чем убеждает «Соборная проповедь») и патристике.

Злоупотребления, связанные со сбором десятин, пожертвований, посмертных даров, вымогательства церковных курий, критикуемые Колетом, традиционно составляли источник разногласий между мирянами и клиром. Вероятно, этим обусловлено бытование еще одной стереотипной оценки, согласно которой «Соборная проповедь» считается выражением духа антиклерикализма, присущего самым широким общественным кругам предреформационной Англии³⁶. Верна ли эта оценка? В связи с актуализацией проблемы антиклерикализма ответ на этот вопрос приобретает принципиальное значение. По нашему наблюдению, термин *антиклерикализм* вообще неоправданно свободно употребляется в излишне широком смысле в качестве синонима любой критики церкви, когда бы и от кого бы она ни исходила. Применение этого понятия при объяснении критического отношения английского общества к церкви в канун Реформации вызывает возражения исследователей³⁷. Тем более, было бы некорректно относить этот термин к «Соборной проповеди», где критика церковных привилегий обусловлена стремлением автора не отменить их, а сделать клир достойным этих привилегий. Например, послушание мирян священству является, по мнению Колета, естественным, но только при условии, что сами священники покажут «в себе причину и источник послушания» — неусыпную заботу о ду-

³⁵ ОЕ. IV. 521. Вероятно, имеется в виду трактат «О церковной иерархии» Дионисия Ареопагита.

³⁶ *Cross C.* Church and People. 1450–1660. L., 1976. P. 43–46; *Elton G.R.* Reform and Reformation: England. 1509–1558. Cambridge, 1977. P. 9–10; 53–56, 118–119; *Dickens A.G.* The Shape of Anticlericalism and the English Reformation // Politics and Society in Reformation Europe. L., 1987. P. 385.

³⁷ Ср.: *Dickens A.G.* The Shape of Anticlericalism... P. 379; *Davies C.S.* Popular Religion and the Pilgrimage of Grace // Order and Disorder in Early Modern England / Ed. by A. Fletcher and J. Stevenson. Cambridge, 1985. P. 85; *Marshall P.* The Catholic Priesthood and the English Reformation. P. 212.

шах паствы. Претендовать на десятины и пожертвования — пожинать телесное — может только тот клирик, кто посеял духовное, исполняя пастырский долг (ОСС. 282; CS. 659; СП. 120).

Несмотря на самые резкие, даже уничижительные высказывания по поводу жадности и сутяжничества клира, Колет не возражает против наличия у церкви собственности: «Но я не пишу, что желаю, чтобы церковь не имела собственности, или священники десятин и пожертвований. [Главное], чтобы они никоим образом не спорили о них»³⁸. Судебный иммунитет духовенства не вызовет возражений мирян, полагал Колет, лишь при отсутствии мирских занятий у клира. Приведем пример, связанный с самой болезненной проблемой в отношениях церковных судов и мирян — утверждением завещаний³⁹. В «Соборной проповеди» Колет упоминал об уловках судов, «ежедневно изобретаемых ради получения прибыли» (ОСС. 281; CS. 658; СП. 119). Обращаясь к этому вопросу в другом сочинении, он определял суть завещания (*suprema voluntas*) как «справедливое волеизъявление о том, как мы хотели бы, чтобы все было после нашей смерти»⁴⁰. Воля завещателя справедлива при созвучии Божьей воле, т.е., если она «благочестива и религиозна, когда ищет божественной славы, когда полна любви, когда заботится о людях и церкви, не нарушает добрые нравы, установленные законы, похвальные традиции, когда она заодно с любой добродетелью, с любой возможностью [поступать добродетельно]»⁴¹. Служители церкви «должны оценить завещания сыновей церкви как реестр любви и рассмотреть по отдельности каждый пункт: или добавить, или разделить, или изменить, как того требует повод и весы любви; завещания не могут считаться юридически действительными и утвержденными, пока они не будут доведены до нормы и правила любви»⁴². Окончательное утверждение завещаний являлось прерогативой курии епископа,

³⁸ *Coletus I. Enarratio in Epistolam Pauli ad Romanos* / Ed. by J.H. Lupton. L., 1873. P. 218.

³⁹ Используемый Колетом термин *insinuatio* означал формальную передачу или составление завещания для официальной регистрации как шаг на пути к собственно утверждению (*probatio*) завещания.

⁴⁰ *Coletus I. Epistolae Divi Pauli ad Romanos Expositio Literalis // Ioannis Coleti Opuscula quaedam theologica* / Ed. by J.H. Lupton. L., 1876. P. 243.

⁴¹ *Ibid.* P. 244-245.

⁴² *Ibid.* P. 243.

и на всех этапах единственным критерием должна быть любовь. Таким образом, мощный рычаг воздействия на мирян в руках церкви следовало применять, по мнению Колета, только ради утверждения закона любви. При всех нарушениях и злоупотреблениях, Колет не возражает против судебной власти церкви: «Всякому христианину, живому и усопшему, нужно, чтобы все было во власти Божией и служителей церкви»⁴³. Если это — антиклерикализм, то очень своеобразный, «ортодоксальный антиклерикализм»⁴⁴.

Итак, Колет с пониманием относился к недовольству мирян духовными привилегиями из-за несоответствия клира — в силу обмирщения — своему религиозному предназначению. Обмирщенное духовенство вновь должно стать *духовным* сословием не только по названию, но и по нравственному облику и образу жизни. Каким способом можно этого достигнуть? Обмирщение есть плод «помрачения ума». Следовательно, оздоровление заключается в «преобразовании ума», «обновлении ума» — в образовании и просвещении. Это упование на развитие человеческого разума не следует рассматривать только как проявление ренессансного гуманистического видения человека. Скорее всего, Колет относится к образованию в традициях христианской аскетики, где оно являлось частью аскетической практики. Это средство исправления ума — очищения от ложных мыслей и замена их мыслями истинными, черпаемыми в Писании и философской литературе⁴⁵. Образование, таким образом, есть необходимый элемент индивидуального спасения. К тому же, ученость священника обеспечивает успех его апостольской проповеди

⁴³ Ibid. P. 243.

⁴⁴ Cf.: Kaufman P.I. John Colet's *Opus de sacramentis* and Clerical Anticlericalism // Journal of British Studies. XXII. 1982. P. 1-22. Автор предлагает синонимичный термин «клерикальный антиклерикализм».

⁴⁵ Колет не был склонен разделять научные и богословские занятия, называя их одним термином *sacrium studium*. В биографии Колета Эразм сообщает, что тот выстроил себе покои в картезианском монастыре, намереваясь в старости заниматься там философией с двумя или тремя особо близкими старыми друзьями (ОЕ. IV. 519). Трудно с определенностью установить источник отмеченной тенденции к сакрализации ученых занятий. Ее можно рассматривать как результат следования позднеантичной философской традиции, или свойственной авторам патристической эпохи практики объединения понятий философии и монашеского образа жизни, или практического понимания теологии, характерного для «нового благочестия».

среди мирян. Итак, Колет понимал реформу церкви и всего общества в духе христианского просвещения. Однако, опять же в соответствии с правилами аскетического делания, исправлению ума должно предшествовать исправление тела — обуздание его греховных страстей, чтобы сделать человека способным к духовной деятельности⁴⁶. Логично поэтому, что для борьбы с обмирщением Колет предлагает клиру более строго следовать аскетическому идеалу, заключенному в каноническом праве. По мнению Колета, только при условии нравственной чистоты и духовной жизни клир может достойно выполнять свою миссию пастырского служения⁴⁷.

Прежде чем рассмотреть конкретную программу реформации, вспомним об избытке в проповеди выражений, относящихся к антитезе «порядка — беспорядка». Эта лексическая особенность наводит на мысль, что Колет диагностирует недуг церкви как нарушение установленного порядка. Он критикует именно *де-формацию*, т.е. искажение изначальной формы, и *без-образность* священства, понимаемую как отход и забвение первоначального образа, коим он считал истинного первосвященника — Христа. Поэтому и реформация церкви мыслится Колетом именно как исправление деформации, восстановление исходной формы. В Соборной проповеди он недвусмысленно называет предстоящее преобразование *reformatio et restauratio* (ОСС. 278; CS. 656; СП. 116). Поэтому и меры по преобразованию церкви не новы и состоят в восстановлении норм канонического права: «Грехи, умножившиеся ныне в церкви, были и в прежние времена; и именно отцы церкви находили наилучшие средства против них. Нет такого проступка или прегрешения, относительно которых не существовало бы закона в своде канонического права. Поэтому нет нужды издавать новые законы и постановления; должно соблюдать уже имеющиеся» (ОСС. 279; CS. 656; СП. 117). Программа реформации включала следующие положения:

⁴⁶ Ср.: «Этими словами апостол совершил два дела: во-первых, он запретил нам покоряться миру и быть плотскими; во-вторых, он приказал нам преобразовываться в Боге, чтобы стать нам духовными» (ОСС. 274; CS. 653; СП. 113).

⁴⁷ Ср.: «Если не только словом, но и твоей собственной жизнью ты учишь людей подражать добродетели, то, даже если ты молчишь, им достаточно посмотреть на твою жизнь» (*Colet J. A right fruitful monicion concernynge the order of a good christen manners lyfe // Lupton J.H. A Life of John Colet. P. 309*).

- Упорядочение приема в духовное сословие. Главные требования должны предъявляться к уровню образования и нравственным качествам претендента. По мнению Колета, «для священника недостаточно уметь составить силлогизм, предложение, вопросы, ответить на софизм; много больше значат добрая, чистая, благочестивая жизнь, исправление нравов, вдумчивое изучение Священного Писания, разумение таинств, но важнее и превыше всего — страх Божий и любовь к жизни небесной» (ОСС. 280; СС. 657; СП. 117).
- Регулирование бенефициальных держаний сообразно добродетели и заслугам перед церковью.
- Восстановление закона против симонии.
- Восстановление закона против нон-резиденства.
- Запрещение клирикам иметь светские занятия.
- Строгое соблюдение монахами и канониками данных обетов, запрет мирских занятий согласно решению Халкидонского собора.
- Восстановление канонических выборов епископов соборными капитулами⁴⁸ без вмешательства светской власти⁴⁹.
- Пребывание епископов в их диоцезах и ведение церковью активной благотворительности (ОСС. Р. 282; СС. 658; СП. 118)⁵⁰.
- Расходование церковных средств в соответствии с указанием папы Григория Великого: одна часть должна идти на содержание епископа и его дома; вторая — на его клириков; третья — на ремонт и содержание обители; четвертая — на бедных.

⁴⁸ Право выбора епископов было предоставлено английскому духовенству в 1107 г. в соответствии с соглашением, достигнутым между Генрихом I и Ансельмом Кентерберийским, и подтверждено Церковной хартией Иоанна Безземельного (1214 г.) и Великой хартией вольностей (1215 г.)

⁴⁹ Колет проклинает «тот ненавистный обычай, по которому безрассудные светские правители (*temporales principes*), под именем христиан — враги и неприятели Бога, хулители Христа, расточители церкви, [люди] не со смиренными и благочестивыми душами, а с надменными и легкомысленными, не в святых и непорочных местах, а в опочивальнях и на пиршествах, назначают епископов, которые управляют церковью Христовой и которые (о, гнусный порок!) не ведают никакого святого дела, зато искусны во всем, что лишено святости (*omnis sacrae rei ignaros, omnis profanae scios*). И таким людям ныне постыдно продается епископство!» (*Coletus I. De Ecclesiastica Hierarchia*. Р. 246-247).

⁵⁰ Ср.: «[Именно] в этом должны служить епископы и прелаты наших дней, если они мудры; не царям и правителям земным, перед которыми они, оставив обязанность благовествования — почетную и свойственную епископам — унижаются подобно самым ничтожным рабам и смотрят больше за королем при дворе, чем служат Богу в храмах» (*Coletus I. Epistolae Divi Pauli ad Romanos Expositio Literalis*. Р. 206-207).

- Восстановление законов против коррупции и вымогательств церковных судов. Основой деятельности церковных курий должно быть объяснение правовых норм и воспитание мирян в соответствии с ними.
- Регулярный созыв соборов всех уровней, как общих, так и местных и принятие соборных решений по всем важным вопросам церковной жизни. Именно через решения конвокаций предполагалась реализация реформы.

Предложенная программа составляла, по мысли Колета начальную стадию преобразований. Одновременно в «Соборной проповеди» намечен второй этап — реформа светской части общества: «Ее очень легко будет провести, если вначале мы сами преобразимся. Если священники, коим вверены души, будут благи, тотчас и народ станет благим. Наша добродетель научит их быть добродетельными более доходчиво, чем все другие учения и проповеди. Наша добродетель наставит их на правильный путь действеннее, нежели все ваши интердикты и отлучения» (ОСС. 282; СС. 658; СП. 119). При посредстве достойных — благочестивых и образованных — пастырей жизнь мирян также будет преобразована в соответствии с Евангелием⁵¹. Таким образом, речь идет об укреплении духовной дисциплины в рамках имеющейся церковной организации и активной просветительской деятельности, как среди духовного сословия, так и мирян.

К каким выводам можно прийти, изучив «Соборную проповедь» в свете новых исследований по истории Реформации? Религиозная культура английского общества на исходе Средневековья не была гомогенна, в религиозном опыте эпохи сочетались многие духовные тенденции и формы благочестия. Подавляющее большинство населения составляли носители традиционных взглядов, чьим духовным запросам и потребностям, в соответствии с уровнем религиозной культуры каждого, отвечала, благодаря своей сложности и гибкости, католическая вера. Отдельные случаи недовольства викариями и священниками, конфликты с ними не меняли общего позитивного отношения этой части общества к католицизму. Образованные миряне, чаще всего из городской среды, являют новый тип бла-

⁵¹ Об этом «сугубо социальном» подходе гуманистов круга Эразма-Колета к учению Христа см.: *Осиновский И.Н.* Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. С. 66; *Он же.* Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма. С. 103.

гочестия — более индивидуального и оттого не удовлетворяющегося привычным литургическим конформизмом, более склонного к внутреннему религиозному переживанию и оттого возмущающегося внешнеобрядовым благочестием, более близкого к своим евангельским истокам и оттого более требовательного к современной церкви.

Индивидуальное благочестие, достигаемое подражанием Христу, не исключало посреднической роли клира, ведь самым простым путем соединения с Богом была Евхаристия. Праведность священника, совершающего таинства, становилась гарантом спасения верующих. От священников и епископов ждали апостольской жизни и апостольской миссии, исполнения предназначения быть «солью земли», «светом мира». Несоответствие реальной церкви новым чаяниям верующих переживается последними как деградация, злоупотребления, порочность. Они должны быть преодолены ради восстановления утраченного идеала Града Божьего. Эти религиозные настроения ревностных мирян конца Средневековья переплелись с движением за церковную реформу внутри самой церкви, которая со времен IV Латеранского (1215 г.) собора считалась «церковью реформированной и подлежащей реформе».

Пропаганда постепенной реформы церкви «в главе и членах» не прекращалась в XIV–XV вв., причем эта идея реформы не воспринималась церковными иерархами как ересь или раскол⁵². Примечательно, что в то время, когда Колет произнес свою «Соборную проповедь», в Риме готовилось открытие V Латеранского собора, которому предстояло обсудить меры клерикальной реформы⁵³. Друг и единомышленник Дж. Колета епископ Джон Фишер был назначен

⁵² Подробнее см.: *Mullet M.A. Catholic Reformation. N.Y., 1999. P. 1-28.*

⁵³ 18 июля 1511 г. папа Юлий II издал буллу о созыве Вселенского собора в Риме. Он должен был собраться в апреле 1512 г. и стать ответом на «французский» церковный собор в Пизе. Собор открылся 3 мая 1512 г. речью генерала августинского ордена Эгидия из Витербо о насущной необходимости исправления церковных дел. Латинский текст речи см.: *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Ed. G.M. Mansi. Vol. XXXII. Paris, 1947. P. 669-676; Там же (P. 874-885) см. декрет о реформе церкви — *Supernae dispositionis arbitrio*, принятый на девятой сессии собора 5 мая 1514 г. Английские переводы документов см.: *Olin J.C. The Catholic Reformation: Savonarola to Ignatius Loyola. N.-Y., 1969. P. 40-53; 54-64. Подробнее о деятельности V Латеранского собора (1512-1517) см.: Hughes Ph. A History of the Church. Vol. III. N.-Y., 1947. P. 478 etc.**

тогда одним из представителей английского духовенства на соборе⁵⁴. В эпоху Ренессанса идея церковной реформы получила новый импульс, поскольку совпала с общим ретроспективным вектором развития культуры. Церковная среда впитала ту же энергию генетического резонанса со своим культурным прошлым, как и светская культура Возрождения. Гуманистически образованные элементы духовенства воплощали типично ренессансную тенденцию к реставрации некогда утраченной традиции раннего христианства, и истолкования этой традиции в духе современных проблем.

В данном историко-культурном контексте возможна более корректная интерпретация «Соборной проповеди». На наш взгляд, в ней нет ничего иного, кроме трех принципиальных положений: признания законным привилегированного положения клира в обществе как посредника между Богом и людьми; констатации несоответствия обмирщившегося духовенства своему духовному предназначению; призыва вернуть церковь к утраченному аскетическому и апостольскому идеалу. Эти положения позволяют связать «Соборную проповедь» с идеологией христианского Ренессанса. Его идеи, в той или иной мере, подпитывали различные формы нового благочестия, которые возникли на исходе средневековья и практиковались как в духовной, так и в мирской среде — от движения католической реформы до братств «общей жизни» и гуманизма эразмианского толка. Осознавая различия между ними, необходимо подчеркнуть общее для них стремление к более строгому аскетическому идеалу и ярко выраженный «евангелизм». Исследование других сочинений и деятельности Колета, несомненно, даст материал для уточнения того места, которое занимала его экклесиология в общем идейном поле христианского Ренессанса. «Соборная проповедь» рисует нам его как энтузиаста аскезы, ревнителя христианского просвещения, борца за духовно-нравственное возрождение клира и всего общества, за возведение жизни духовенства на первоначальную морально-религиозную высоту.

⁵⁴ *Dowling M. Fisher of Man: A Life of John Fisher, 1469–1535. N.Y., 1999. P. 53.*